

вроде «сильяитъ») тесно связан со скотоводческим хозяйством и уходит в глубокую древность.

Головное покрытие у женщины в Болгарии характеризуется несколькими особенностями. Первое место занимает платок — «кърпа», покрывающий сверху или непосредственно голову, или повязываемый сверх какой-либо шапки или другого предмета. Этот платок известен под многими названиями: «кърпа», «забрадка», «месаль», «махрама», «шамия» «дарина» и т. д. Во многих случаях платок сложен диагонально и повязан на голову. Повязывают голову, главным образом, замужние женщины. Повязывание, вероятно, имеет обрядовое начало. Сам платок, как часть одежды, является одной из самых первобытных одежд. Закрывание платком затылка и покрывание спущенных сзади кос является древней славянской формой покрытия. На магическое или обрядовое значение указывают, между прочим, и известные формы шалок под покрытием: например, однорожные и двурожные головные уборы.

Существовало мнение, что белодрешная мужская и двупрестилочная женская одежда, а также и вышивки в северноболгарских районах являются плодом румынского влияния. Другие связывают болгарскую одежду и особенно женский головной убор с турецким влиянием. Это не соответствует действительности. Нужно признать, что славянки имеют свои собственные двупрестилочные одежды, а мужчины — белые узкие беневерченые одежды. Очень многое говорит и за наличие у болгар в древности саичной мужской и женской верхней одежды, а также широких потур, которые принесли Аспаруховы болгары. Балканским влиянием объясняется появление сукмана и сая как женской одежды, отражающее средиземноморское культурное влияние. Специально византийское влияние отразилось в женских металлических украшениях и в вышивках. В вышивках сохранена традиция древнего болгарского района в средней России. Западномакедонские женские «сокаи», а также вышивки поразительно одинаковы с современными чувашскими и марийскими. Можно еще проследить египетские, иранские и закавказские вышивальные традиции. Турецкое, восточное влияние сказалось прежде всего в черном цвете одежды, вышивках и украшениях. Влияние Запада сказывается в головных уборах, вышивках и украшениях.

Таково содержание работы проф. Вакарельского, представляющей большой интерес. Особенно подробно освещена здесь женская одежда. Одежда картографирована на двух картах, говорящих о подробном изучении народного костюма Болгарии. Мы не согласны, однако, с автором в двух вопросах. Первый касается изучения мужской одежды отдельно от женской. У нас, советских этнографов, изучают обе вместе, одним этническим комплексом, что помогает делать более правильные выводы и обобщения. Второй вопрос касается того, что надо считать основным элементом в костюме. Советские слависты считают основным элементом славянского костюма нательную одежду — рубаху. Профессор же Вакарельский считает таким элементом верхнюю одежду, что определяет другую классификацию одежды и другой подход к ее изучению.

Д. Найдич

НАРОДЫ АФРИКИ

J. G. Peristiany. *The social institutions of the Kipsig's*. Introduction by E. E. Evans-Pritchard. London, 1939, XXXIV + 288.

Кипсиги, или, как они неправильно иногда именовались, «лумбва», — одна из наиболее многочисленных, насчитывающая около 80 тыс. чел., африканская народность группы так называемых нило-хамитов, родственная племенам нанди, камасиа, туркана и др., обитающая в области Кения. Автор посвященной этой народности книги, имея ученые степени доктора философии Оксфорда и доктора прав Парижа, является в этнографии учеником покойного Малиновского. Книга его основана на материале, собранном в течение девятимесячного пребывания среди кипсиги, и представляет собой обычного для зарубежной этнографии, почти стандартного типа монографию, дающую статическое описание различных сторон культуры данной народности. Пресловутого «функционализма», так вредящего конкретности и объективности описания, в книге Перистиани незаметно, но случайная и произвольная последовательность изложения отдельных тем делает все описание фрагментарным. Вслед за общим введением автор ряд глав посвящает инициациям, возрастным группам, добрым отношениям молодежи, браку, разводу, рождению детей и усыновлению, далее — семье, экзогамным нормам и родственной терминологии, затем — роду, хозяйству, военному делу и охоте, организации управления и обычному праву, наконец, религии, в частности — магии. В приложении — ряд образцов фольклора в оригинальных текстах с подстрочным переводом. При такой многотемности, описания автора довольно беглы, но все же отчетливы и интересны. Любопытны, в частности, сведения о доброй жизни и мужских домах, интересные сведения о военном деле, обстоятельно описана хозяйственная деятельность. Очень интересны, видимо, у кипсиги родовая структура и родовые отношения, но собранный автором по этой теме материал явно недостаточен: ситуация очень сложная и требует

гораздо более тщательного и более подробного исследования. В общем книга Перистиани весьма полезна для африканиста, сообщая разнообразные сведения о народности, остававшейся малозвестной.

М. К.

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Eric Rau. *Institutions et coutumes canaques*. Préface de René Maunier. Paris, 1944, 200.

Автор — доктор прав, чиновник, долго служивший во французских владениях в Океании, в том числе на Новой Каледонии, — поставил себе задачей изучить старое обычное право и социальный строй туземцев Новой Каледонии («канаков»). Так как этот прежний социальный строй вместе со многими старыми обычаями уже перестал существовать, автору пришлось использовать в качестве источников сообщения более ранних наблюдателей, дополнив их собственными расспросами стариков-туземцев и белых поселенцев и миссионеров, давно живущих на острове.

После краткого вводного очерка о «канаках» Новой Каледонии, коснувшись также вопроса об их происхождении, автор дает описание прежнего племенного строя, организации власти (вожди, совет племени и пр.), юридических обычаев, военного права, брачно-семейной жизни и форм собственности. Судя по этим заголовкам, книга должна быть очень интересной, но содержание ее разочаровывает. Она только лишний раз подтверждает, что заурядный буржуазный юрист не в состоянии понять строй общества, отличный от капиталистического. Вопреки своему стремлению «освободиться от категорий и определений гражданского кодекса», автор не сумел это сделать. Он сообщает, конечно, немало любопытных деталей туземного обычного права и пр., но очень мало помогает уяснить основной вопрос, до сих пор остающийся нерешенным: что же собственно представлял собой в прошлом социальный строй новокаледонцев? Как известно, старые источники дают слишком мало материала для решения этого вопроса. Автор весьма решительно, но вскользь, говорит о «феодальной» организации новокаледонского общества (термин, не раз употреблявшийся и прежними наблюдателями), но не дает, как и они, серьезного обоснования к тому, чтобы признать здесь феодализм. Он говорит о «трех главных категориях», на которое делилось население Новой Каледонии: вожди, знать и народ, но можем ли мы здесь говорить о настоящих общественных классах, — этого из книги не видно. В главе о собственности автор говорит о двух ее основных видах: «домениальная» (общинная) и индивидуальная — семейная; но существовала ли частная собственность на землю и существовал ли класс крупных землевладельцев (на что есть намеки в старой литературе), — этого Рау не разъясняет. Странно, что он ни словом не касается вопроса о рабстве — хотя в литературе ставился специально вопрос о его наличии или отсутствии на Новой Каледонии. Таким образом, до сих пор не решенную проблему специфики социального строя новокаледонцев книга Рау, к сожалению, не разрешает.

С. Токарев

Emile de Courton. *Tahiti*. Alger, 1944, 141.

Популярная книжка — очерк французских владений в Океании, богато иллюстрированный. Краткое географическое описание, очерк истории, популярное описание быта полинезийцев прежде и теперь, данные о пришлоем населении и о современной экономике. Интерес представляют сведения о роли и участии океанийских французских колоний во второй мировой войне (книжка вышла в свет еще до ее окончания).

С. Т.